

Содержание

Предисловие	7
Глава 1. Месмеризм и популярная наука	11
Глава 2. Месмеризм как движение	58
Глава 3. Радикальное течение в месмеризме	98
Глава 4. Месмеризм как радикальная политическая теория	128
Глава 5. От Месмера до Гюго.	150
Заключение	188
Библиографическое примечание.	196
Приложение 1. Постулаты Месмера	200
Приложение 2. Парижская среда ученых-любителей.	202
Приложение 3. Общество вселенской гармонии	204
Приложение 4. Лекции Бергасса по месмеризму	208
Приложение 5. Эмблема Общества гармонии	212
Приложение 6. Точка зрения антимериста	214
Приложение 7. Французские цитаты, приведенные в тексте книги в переводе	220
Именной указатель	237

Месмеризм и популярная наука

Грандиозный провал «общественного договора» Руссо, который из всех его трудов пользовался наименьшей популярностью у французской читающей публики предреволюционной поры¹, ставит перед исследователями радикальной мысли 1780-х годов вопрос: если эта публика осталась равнодушной к одному из величайших политических трактатов XVIII века, то какие же радикальные идеи (и формы их преподнесения), напротив, *удовлетворяли* ее вкусам? Как ни странно, одной из таких форм стал «животный магнетизм», известный также как месмеризм. В предреволюционное десятилетие месмеризм вызвал огромный общественный интерес; и пусть изначально он не имел никакого отношения к политике, Николя Бергасс, Жак-Пьер Бриссо и другие месмеристы-радикалы очень быстро превратили его в закамouflированную политическую теорию, во многом напоминавшую учение все того же Руссо. Соответственно, на примере месмеризма представляется возможным проследить, каким именно образом вульгарная смесь политики и причудливых фантазий позволяла писателям-радикалам заинтересовать своими произведениями широкую публику, при этом не привлекая к ним лишнего внимания со стороны цензоров. Чтобы рассмотреть месмеризм с его радикальной стороны, необходимо изучить теорию Месмера в контексте других интересов ее современников, проследить путь

1. Daniel Mornet, *L'Influence de J.-J. Rousseau au XVIIIe siècle; Annales de la Société Jean-Jacques Rousseau*, 1912, P. 44–45; Robert Derathé, *Les réfutations du Contrat Social au XVIIIe siècle. ibid.*, 1950–1952, P. 7–12.

развития этого движения и разобраться с характером месмеристских обществ того времени. Только так мы сможем извлечь феномен месмеризма из-под толщи шарлатанских памфлетов, мемуаров и давно изживших себя научных трактатов и взглянуть на него с новой стороны как на одну из неожиданных граней предреволюционного радикального мышления.

В феврале 1778 года Франц Антон Месмер прибыл в Париж и возвестил об открытии им вездесущего сверхтонкого флюида, который наполнял и окружал собой все существующие тела. Непосредственно наблюдать этот флюид Месмеру не доводилось: он лишь заключал, что тот является проводником гравитации — ведь иначе планеты не могли бы притягивать одна другую в вакууме. Погрузив в этот первозданный «природный агент» всю вселенную, Месмер, однако, не преминул вернуть его с неба на землю, чтобы поставить на службу парижанам в виде отопления, освещения, электричества и магнетизма, в особенности превознося перспективы его применения в области медицины. Болезнь, утверждал он, является следствием «блокировки» на пути свободного протекания флюида по телу человека, которое, в свою очередь, является подобием магнита. Месмер полагал возможным контролировать и усиливать ток флюида посредством «месмеризации» или массажа «полюсов» тела, что, по его мнению, позволяло преодолевать блокировку и соответствующие «кризы» (которые нередко проявлялись в форме конвульсий), восстанавливать здоровье, или «гармонию» человеческого организма с природой.

Подобное обращение к характерному для XVIII века культу природы выглядело крайне убедительно в глазах современников Месмера, ведь он умел наглядно продемонстрировать действие своего флюида путем ввергания своих пациентов в своего рода эпилептический припадок или сомнамбулический транс, благодаря которым те излечивались от всевозможных хворей

и недугов — от слепоты до вызываемой сверхактивностью селезенки апатии. Месмер и его последователи устраивали зрелищные представления: они садились перед пациентом, зажимали его колени между своими и пробегали пальцами по всему его телу. Это делалось для того, чтобы отыскать полюса заключенных в теле больного маленьких магнитов, в совокупности составлявших единое тело-магнит. Месмеризация требовала недюжинного умения, ведь маленькие магниты все время перемещались внутри тела месмеризируемого. Считалось, что для большей надежности в установлении «взаимосвязи» («раппорта») с пациентом следует ориентироваться на стабильные магниты, находящиеся, к примеру, в кончиках пальцев и в носу (так, Месмер запрещал своим подопечным нюхать табак из-за связанного с этой практикой риска нарушения носового магнитного баланса) и избегать взаимодействия как с располагающимся на макушке «северным полюсом», который принимает месмерический флюид, исходящий от звезд, так и с «южным полюсом» — в ногах, ибо они являются естественными приемниками земного магнетизма. Большинство месмеристов сосредотачивали свои усилия на «телесном экваторе», средней, подреберной («ипохондриальной») части тела пациента — то есть на верхне-боковых областях живота, которые Месмер определял как «сенсориум». Подобные практики порождали слухи и сплетни о сексуальном магнетизме, но отнюдь не об ипохондриках: данное гуморальное расстройство вызывало у современников искреннее сочувствие, что, впрочем, не мешало им с презрением относиться к «воображаемым болезням» (*maladies imaginaires*). Так, во «Французском академическом словаре» («*Dictionnaire de l'Académie Française*») за 1778 год поясняется, что человек, страдающий «пороком ипохондров» (*vice des hypocondres*), склонен к поведению «нелепому и сумасбродному» (*bizarre et extravagant*) и, будучи предоставлен сам себе, чувствует внутреннюю подавленность

Рис. 1. Шутка о магнетизме

На карикатуре современника, сатирически изображающей сессию месмеризма, изображена «ванна», передающая «флюид» через ряд движущихся стержней, соединенных веревками. Женщины в центре составили «цепь», или месмерический круг, а по сторонам от них изображены потерявшие сознание от передозировки «флюида». Прочие пациенты тянутся к «полюсам» окружающих их тел, в то время как месмерист, нарисованный с традиционной для образа шарлатана ослиной головой, продолжает накачивать собрание энергией «флюида», истекающего от его сверхзаряженного тела, а астрологические «лучи» при этом транслируют силы из космоса.

(Les hypocondriaques sont mélancoliques et visionnaires¹). Не менее богату пищу для сплетен предоставляли и применявшиеся Месмером устройства и приспособления: в первую очередь, устланные матрасами «комнаты кризов» для бившихся в сильных конвульсиях пациентов и, конечно же, его знаменитые ванны. Последние были заполнены железными опилками и бутылками с «намагниченной водой», закрепленными на манер спиц в колесе, служа резервуарами для флюида. Флюид протекал по подвижным железным стержням,

1. Дословно: «Ипохондрики впадают в меланхолию и мечтательность» (фр.) — *Прим. ред.*

к которым следовало прикладываться больными местами. Пациенты рассаживались вокруг этих ванн и передавали флюид друг другу посредством обвивавшей их тела веревки, держа друг друга при этом за большие и указательные пальцы и тем самым создавая «месмерическую цепь» наподобие электрической. Больных, которые предпочитали принимать магнетические «ванны» в более приватной домашней обстановке, Месмер снабжал переносными ваннами меньшего размера, однако в целом рекомендовал групповую терапию, в процессе которой каждый из участников сеанса мог усиливать ток флюида и облегчать его циркуляцию через тела всех собравшихся. Во время сеансов на открытом воздухе Месмер, как правило, «намагничивал» деревья, после чего «сплетал» с ними пациентов веревками на манер венка. При этом нужно было непременно избегать узлов, так как те препятствовали гармоничному растеканию флюида. Каждая деталь внутренней обстановки клиники Месмера должна была подталкивать пациента к кризу. Тяжелые ковры, плотно задернутые шторы, странные астрологические узоры на стенах — все это приглушало бессвязное бормотание, вскрики и взрывы истерического смеха, которые временами нарушали царившую здесь тяжелую тишину. Пациент подвергался постоянному воздействию волн флюида, отражавшихся в особым образом расставленных зеркалах. Концентрированные волны флюида пронизывали посетителей месмерических сеансов до самой глубины души — в том числе благодаря негромкому звучанию духовых и пианофорте, инструмента, называемого также «стеклянной гармоникой», с которым французы познакомились не в последнюю очередь стараниями самого Месмера. Случалось, пациенты валились на пол и начинали биться в конвульсиях. На этот случай к их услугам всегда был лакей-магнетизер по имени Антуан, который заботливо переносил их в комнату кризов. Если же ни одно из вышеперечисленных

Национальная библиотека Франции

LE BAQUET DE Mr MESMER
ou Représentation idéale des Opérations du Magnétisme Animal

Рис. 2. Ванна Месмера, или достоверное представление об операциях животного магнетизма

Благосклонное описание сессии месмеризма, подчеркивающее царящую на ней общую атмосферу «гармонии», физического и нравственного соответствия между человеком и законами природы. Месмеристы оживляли гармонию со здоровьем и поэтому использовали музыку для лечения болезней. Здоровье в самом широком смысле слова было для них величайшей ценностью. Поэтому изображенных в центре гравюры детей учат, а не лечат, ведь благодаря раннему приобщению к «природному агенту» они смогут вырасти «естественными людьми». Отдельно нужно отметить изображение «ванны для бедных» в задней комнате.

«Г-н Месмер, доктор медицины Венского факультета из Австрии — единственный изобретатель животного магнетизма. Это средство лечения множества болезней (в том числе водянки, паралича, подагры, цинги, слепоты и внезапной глухоты) состоит в применении флюида, или агента, коим распоряжается г-н Месмер, направляя его, когда одним или двумя пальцами, когда посредством железного жезла или иного инструмента по его усмотрению, на любого, кто к нему обратится. Также он предлагает к использованию ванну, к коей прикреплены веревки, и ими может обвязаться больной, а также железные штывры, коее больной приставляет себе под вздох живота, к печени или селезенке, а лучше всего — к любой части тела, коия у него больна. Больные, а особенно женщины, претерпевают тогда конвульсии или кризы, коее приносят им исцеление. Месмеризаторы (а это те, кому Месмер открыл свой секрет, и их уже несколько сотен, в том числе и высочайшие представители придворной знати) налагают руки на больной орган и потирают его некоторое время. Эта операция ускоряет действие веревок и штыврей. Через день ставится ванна для бедных. В прихожей музыканты играют мелодии, коее, как считается, увеселяют больных. Приехав в дом этого знаменитого врача, обычно видишь большую толпу мужчин и женщин всех возрастов и сословий — там и придворная знать, и мастеровые, и врачи, и хирурги. Это зрелище достойно всякого обладателя чувствительного сердца — когда люди, высоко стоящие по праву рождения и по положению в обществе, с лаской и заботой месмеризируют детей, стариков и особенно немущих».

средств не способно было вызвать у кого-то мурашки, дрожь в руках и трепет в ипохондриальной области, за дело брался сам Месмер: нарядившись в сиреневый тафтяной халат, он подходил к такому пациенту и собственными руками, намагниченной палочкой и властным взором «ввинчивал» в его тело флюид. Далеко не все кризы протекали в столь тяжелых формах. Иной раз пациенты погружались в глубокий сон, в котором нередко вступали в контакт с духами умерших или далеко обретающихся людей. Посредством флюида последние передавали послания напрямую сомнамбулистам, поскольку в таком состоянии их шестое чувство (или же, говоря современным языком, экстрасенсорное восприятие) было невероятно обострено. Подобные чудеса довелось испытать на себе многим сотням французов, но едва ли даже единицы из них были посвящены в самую суть таинства, ведь Месмер никогда не распространялся о секретах своего учения¹.

Сколь вызывающим ни казался бы месмеризм с современной точки зрения, это ни в коей мере не может служить оправданием для предающих его забвению историков, ведь это учение идеально вписывалось

1. Некоторые из 27 главных постулатов Месмера о «животном магнетизме» приведены в Приложении 1. Среди множества брошюр того времени, в которых давалось объяснение теории и практики месмеризма, наиболее удачными являются следующие: F.A. Mesmer, *Mémoire sur la découverte du magnetism animal* (Geneva, 1779); Caullet de VeauMOREL, *Aphorismes de M. Mesmer, dictés à l'assemblée de ses élèves* (Paris, 1785); серия писем Галара де Монжуа, ученика первого крупного последователя Месмера Шарля Делона, опубликованная в номерах *Journal de Paris* с февраля по март 1784 г. (в особенности в номере за 16 февраля, с. 209–216). О примерах оккультных тенденций в месмеризме см.: A.M.J. de Chastenet, Marquis de Puységur, *Mémoires pour servir à l'histoire et à l'établissement du magnetism animal* (1784); Tardy de Montravel, *Essai sur la théorie du somnambulisme magnétique* (London, 1785) (впоследствии послуживший основой для многостраничных описаний сомнамбулических видений в более поздних работах Тарди); *Mémoire sur la découverte des phénomènes que présentent la catalépsie et le somnambulisme* (1787); а также *Extrait des registres de la Société de l'Harmonie de France du 4 janvier 1787*.

Национальная библиотека Франции

THE MAGNETISM.

Рис. 3. Магнетизм

Еще одно изображение месмерического сеанса, отчасти передающее атмосферу особой преувеличенной чувственности, царившую там. Дама справа претерпевает криз. Даму на втором плане охватили конвульсии, и ее уносят в усталую матрасами «комнату кризов».

в круг интересов образованной французской публики 80-х годов XVIII века. Наука пленяла современников Месмера, раскрывая перед ними мир чудесных невидимых глазу сил. Так, Вольтер был очарован ньютоновой гравитацией, популярность электричества Франклина подпитывалась повальным увлечением громоотводами и соответствующими демонстрациями в стенах модных лицеев и музеев Парижа. Стоит ли говорить о заполнявших шарльеры и монгольфьеры чудодейственных газах, благодаря которым в 1783 году человек впервые сумел подняться в воздух? На этом фоне невидимый флюид Месмера не казался чем-то из ряда вон выходящим. И действительно, чем он был хуже флогистона, на который ополчался в своих работах Лавуазье, чтобы

самым что ни на есть очевидным образом поставить на его место теплород («вещество тепла», калорийность), или эфира, или «животной теплоты», или «нутряной плавильни», а также «органических молекул», «души огня» и прочих вымышленных сил, которые и поныне подобно призракам населяют давно уже мертвые трактаты Байи, Бюффона, Эйлера, Лапласа, Макёра и других уважаемых ученых восемнадцатого века. Чтобы получить представление о флюидах, во многом схожих с месмерическим, французам той поры достаточно было ознакомиться со статьями «Огонь» или «Электричество» в «Энциклопедии». Если же для вдохновения им требовались мнения еще более авторитетные, то они могли почитать ньютоновские описания «тончайшего и вездесущего духа, заполняющего все пустоты и пронизывающего все тела» из наполненного фантастическими измышлениями последнего раздела «Математических начал натуральной философии» (издание 1713 года) или обратиться к «Оптике» — более позднему труду, вышедшему из-под пера все того же Ньютона¹.

1. На примере одного из писем А.Ж. Сервана, хранящегося в Городской библиотеке Гренобля (архивный номер 1761, дата и адресат не указаны), мы можем наблюдать, какое сильное влияние на месмеристов оказали рассуждения из «Оптики» Ньютона (которые по степени смелости все же не идут ни в какое сравнение с соображениями, которыми автор знаменитого трактата делился в переписке с Робертом Бойлем): «Pourquoi ne pas revenir tout de suite à la belle conjecture que Newton a développée dans l'un de ses ouvrages? Il avoue l'existence d'un milieu beaucoup plus subtil que l'air et qui pénètre les corps les plus denses, milieu qui, par le resort de toutes ses parties et les vibrations qui en resultent, est l'instrument des phénomènes les plus singuliers de la nature, du feu, de l'électricité, de nos sensations même etc» («Почему бы не вернуться сразу к великолепному предположению, сделанному Ньютоном в одной из своих работ? Он утверждает, что существует некая среда, намного более тонкая, чем воздух, и которая пронизывает даже самые плотные тела, и эта среда посредством всех своих частиц и вибраций, которые они производят, является орудием явления выдающихся феноменов природы, огня, электричества, даже наших собственных чувств и т.д.»). О работах, посвященных науке XVIII века, из которых взята эта ремарка, см. Библиографическое примечание.

Сей величайший ученый ум восемнадцатого столетия отнюдь не ограничивался фривольными рассуждениями о таинственных природных Силах и Гениях: он также проявлял неподдельный интерес к фигуре оккультного доктора Бори («Я полагаю, он, как правило, одет в зеленое»¹), вероятно, ставшего прообразом Месмера. В то же время Беркли — один из самых ранних и последовательных противников ньютоновской теории — отстаивал собственную концепцию жизненного флюида. Он полагал, что после дистилляции вечнозелеными деревьями этот флюид превращается в смольную воду, служащую панацеей от всех болезней и недугов. Что и говорить, в то время у читающей публики голова и впрямь могла пойти кругом от обилия флюидов, то и дело попадавших им на страницах многочисленных натурфилософских трактатов. То была эпоха «систем», экспериментов и эмпиризма. Тогдашние «ученые» (нередко также облеченные священным саном) увлеченно следовали за наукой по звеньям Великой Цепи Бытия, которая неизбежно приводила их из области физики в область метафизики и Высшего Существа. Не утруждая себя установлением взаимосвязи между приливами и законом всемирного тяготения, один из самых известных благочестивых представителей «каменного века» науки аббат Плюше обращался непосредственно к телеологической причине этого природного явления, заключавшейся, по его мнению, в желании Господа облегчить кораблям вход и выход из гаваней. Сам Ньютон в сферу своих научных интересов включал алхимию, Книгу Откровения и сочинения Якоба Бёме. Лишь немногие из читателей ньютоновских трактатов были достаточно подкованы в научном, как его принято называть ныне, методе познания, чтобы отделять содержащиеся в них зерна теорий света и гравитации от плевел мистицизма.

1. Из письма Ньютона Фрэнсису Астону от 18 мая 1669 года (цит. по: L. T. More. *Isaac Newton: A Biography*. New York, 1934. P. 51).

Большинство же считало гравитацию мистической силой, вероятно, имевшей отношение к электрической вселенской душе, а то и к «жизненному огню», который, как полагали Гарвей и Декарт, пылал в сердце каждого живого существа (а возникал вследствие трения крови о стенки артерий — добавляли более поздние теоретики). До тех пор пока Лавуазье не заложил основы современной химии, ученые, как правило, старались объяснить все жизненные процессы при помощи всего нескольких принципов, и стоило им вообразить, что ключ к разгадке тайн природы найден и отныне находится у них в руках, как их тут же начинали обуревать всякого рода фантастические измышления. Если стиль изложения, которым пользовался в своих трудах Бюффон, не уничтожил его репутацию как ученого, то Бернарден де Сен-Пьер, объяснявший дольную структуру дыни предусмотрительностью самой природы, предназначившей сей плод к коллективному (*en famille*) поеданию, со временем был перемещен в разряд литераторов, пусть даже современники воспринимали его в том числе и как ученого. Они усматривали факты там, где их потомки видели лишь домыслы.

На протяжении XVIII века пропасть между наукой и теологией продолжала неуклонно расширяться, однако это не привело к отделению науки от фантастики, ведь ученым того времени приходилось прибегать к услугам воображения, чтобы хоть как-то объяснить, а подчас даже попросту *увидеть* огромный массив новых данных об окружающем мире, который стал доступен им благодаря вскрытиям, изучению ископаемых останков, а также появлению в их распоряжении микроскопов, лейденских банок и телескопов. Научные наблюдения русалок и доносившихся изнутри скал голосов маленьких человечков, казалось, говорили о принципиальной невозможности постижения тайн природы одним лишь невооруженным глазом.